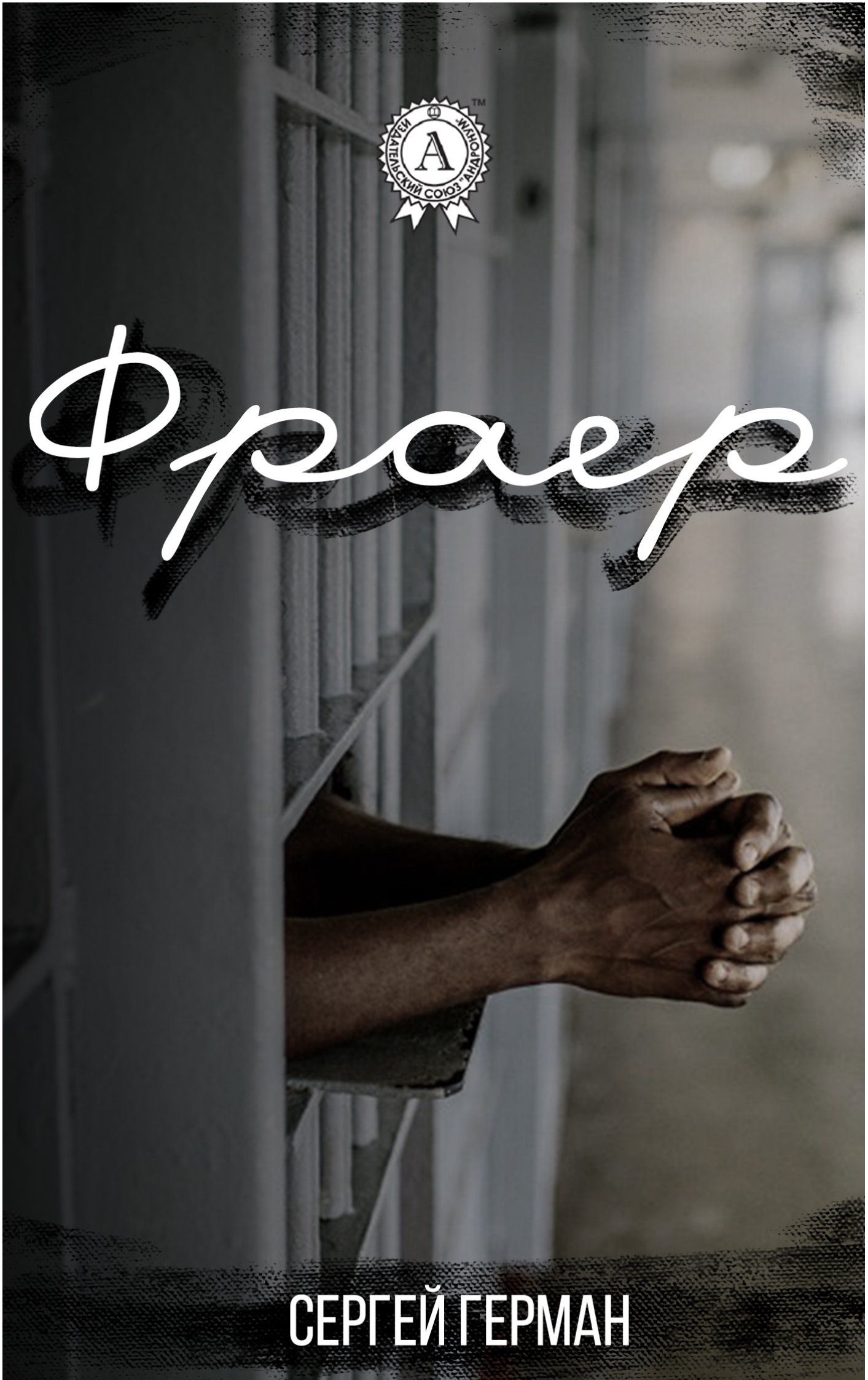
Фраер
СЕРГЕЙ ГЕРМАН

Сергей Герман

Фраер

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Герман С. Э.

Фраер / С. Э. Герман — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

В книге "Фраер" от первого лица идёт повествование о людях, оказавшихся в местах лишения свободы. О взаимоотношениях на "зоне", установленных там законах и правилах. В одной камере оказываются убийцы и люди, осужденные за экономические преступления, матёрые преступники и те, кто получил срок по глупости. Блатные и те, кто, "встал на путь исправления". Каждый из них борется за свою жизнь и достоинство.В этой книге их истории. Эту книгу тяжело, порой невозможно читать. Но она совсем не о том, как выжить в российской тюрьме. Она о том, как в ней остаться человеком. Рекомендуется для прочтения юношам 16- 20 лет, только лишь выбирающим свою дорогу в этой жизни. Может быть, она послужит предостережением тем, кто считает, что у него как в компьютерной игре есть несколько жизней. Это не так. Жизнь у человека одна и прожить ей надо так, чтобы не содрогаться от омерзения, вспоминая всё, что с тобой было. Никогда не поздно начать свою жизнь сначала. Но лучше этого не делать, а изначально прожить её достойно.

© Герман С. Э.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Предисловие 6
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Сергей Герман
Фраер

Раньше считалось, что фраер, это лицо, не принадлежащее к воровскому миру. При этом значение этого слова было ближе по смыслу нынешнему слову «лох».

В настоящее время слово фраер во многих регионах приобрело прямо противоположный смысл: это человек, близкий к блатным.

Но это не вор. Это может быть как лох, так и блатной, по какой-либо причине не имеющий права быть коронованным. Например, человек живущий не по понятиям или совершавший ранее какие-либо грехи с точки зрения воровского Закона, но не сука и не беспредельщик.

Фраерами сейчас называют людей занимающих достойное место в уголовном мире. Для обозначения простачка остались такие слова, как «штемп» («штымп»), «лох», «фуцан», «олень» и т. д. Фраера же нынче – это достойные арестанты, рядовые «шпанского» братства.

Битый фраер, злыдень, пацанское племя – умеющий за себя постоять, человек, которого нелегко провести, способный и умеющий дать сдачи.

Честный фраер или козырный фраер – это высшая фраерская иерархия, т. е. арестант, заслуживший уважение среди людей, с которым считаются, даже имеющий голос на сходняках, но все-равно не вор.

Диссиденты, «политики», «шпионы» – люди, заслужившие с начала 60-х уважение и почет в «воровском» мире – принадлежали к «фраерскому» сословию. А они зарекомендовали себя как «духовитые», то есть люди с характером, волей, куражом – теми качествами, которые ценятся в «босяцком» кругу.

Предисловие

Почему может быть признан виновным историк, верно следующий мельчайшим подробностям рассказа, находящегося в его распоряжении? Его ли вина, если действующие лица, соблазненные страстями, которых он не разделяет, к несчастью для него совершают действия глубоко безнравственные.
Стендаль(Мари-Анри Бейль)

Человек, за спиной которого хоть раз в жизни с лязгом и щелчком, захлопывалась дверь тюремной камеры, никогда не забудет этого звука. Он будет помнить его всегда. И даже через много лет после того как выйдет на свободу он всё равно будет вздрагивать и просыпаться от скрежета ключа в замке, скрипа открываемой двери и лязга засова.

В конце 80-х мне попалась книга Анатолия Жигулина «Чёрные камни».

Я прочёл её за ночь, проглотил как любовный роман, как стакан водки, залпом. Потом уже я нашёл стихи Анатолия Жигулина, этого самородка, русского поэта и зэка, хотя в России зачастую одно не отделимо от другого.

Семь лет назад я вышел из тюрьмы.
А мне побеги,
Всё побеги снятся…

Справедливость и правдивость этих строк я понял через очень много лет.

* * *

Как и с чего начинается тюрьма? У каждого человека она начинается по разному. Кого-то задерживают на месте преступления и после недолгого нахождения в клетке при дежурной части РОВД, везут в следственный изолятор. Это место ещё называют тюрьмой. Хотя один из моих знакомых по имени Саня Рык называл её исключительно «дом родной или тюрьмочка».

У кого-то долгий и трудный путь прохождения тюремных университетов начинается с суда. Куда он, совсем далёкий от жестокости и скотства российской пенитенциарной системы приходит в надежде, что вот сейчас его оправдают. Но что- то идёт не так и во время оглашения приговора в зал входит конвой, который после слов судьи, «Именем Российской Федерации» заковывает его в наручники. Но он всё ещё надеется. Что вот, сейчас придёт адвокат и его выпустят. А потом, через несколько часов попав в камеру к настоящим, а не киношным уркам, с лицами похожими на подошву, содрогнётся при виде скотского быта и начнёт потихонечку становиться таким же как все.

Вариантов много. Не буду утомлять читателя, расскажу только о том, как начиналась моя дорога.

Дело моё тянулось несколько месяцев и особых проблем не доставляло. Я ел, пил, ходил на работу, бесконечно менял баб. Меня не мучили допросами и никуда не вызывали. Знакомый милиционер, когда я задал ему вопрос о своих перспективах только махнул рукой, дескать не переживай, это дело скоро похоронят, сейчас не до тебя.

Стране было действительно не до меня. Часть страны пошла в ОПГ и начала отстреливать друг друга. Другая- продолжала работать на заводах, в школах, в библиотеках, заниматься коммерцией, торговлей, банками, упиваться свободой и клясть страну, в которой угораздило родиться.

В понедельник утром мне позвонил следователь. Попросил зайти, выполнить кое-какие формальности. Я в полной уверенности, что меня вызывают для ознакомления с постановлением о прекращении дела, радостный, чисто выбритый и наодеколоненный с пятью сотнями в кармане, в предвкушении ужина в кабаке и быстрой любви с какой-нибудь студенткой педучилища, помчался в РОВД.

От нагретого солнцем асфальта и стен домов, веяло запахом распускающейся листвы и горечью дыма костров.

У следователя сидела какая-то неприятного вида толстая баба лет пятидесяти, с лицом пьющего милиционера.

Следователь, сутулый очкарик лет двадцати пяти, по имени Андрей Михалыч, скучным голосом спросил меня:

– А где твой адвокат?

Я выкатил глаза. Моей фантазии хватило на единственный здравый вопрос:

– А зачем?…

Следователь ответил с вежливой полуулыбкой:

– Сейчас я тебя буду закрывать. Адвокат нужен для предъявления обвинения. Но если у тебя ещё нет своего защитника, могу порекомендовать Таисию Павловну.

Жест в сторону неприятной бабы.

– У Таисии Павловны более 25 лет стажа юридической практики.

Я резонно заметил: – У твоего адвоката из под юбки торчат хромовые милицейские сапоги.

От смеха следователь хрюкнул. Таисия Павловна надула губы и торжественно выплыла из кабинета.

Несколько минут мы вяло препирались с Андреем Михалычем. Потом он принялся звонить моему адвокату. Хотя, что это изменило? Томка как всегда опоздала. Потом мне предъявили обвинение. Обшмонали карманы. Отобрали шнурки и ремень.

Но зато, перед тем, как за мной захлопнулась железная дверь милицейской канарейки, я насладился видом роскошной Томкиной задницы, обтянутой вельветовым Вранглером, стоимостью в оклад Андрея Михалыча и его моральным унижением, который, рядом с ней наверняка должен был чувствовать себя импотентом.

* * *

Арест. Это черта, которая разделяет твою жизнь на до и после. После того, как ты преступаешь через неё, начинается твоя арестантская жизнь.

Солженицын писал – «арест – это ослепляющая вспышка и удар, от которых, настоящее разом уходит в прошлое, а невозможное становится настоящим».

После того как меня закрыли я не жрал неделю, только курил одну сигарету за другой. Готов был биться башкой о стену. Но ничего – пережил. Как писал Достоевский Федор Михайлович, «человек такая сволочь, что ко всему привыкает».

То, что я увидел в тюрьме, меня не потрясло. Скорее отрезвило.

Я думал, что человека отслужившего в советской армии, уже наверное трудно удивить исправительной колонией. Как говорил мой ротный капитан Камышев- «Тот кто служил, в цирке не смеётся».

Вот и я оказался, в таком же цирке. В том его месте, что отведено для зверей. Только увидел не красивую арену, а загон, в котором едят, спят и отправляют естественные надобности люди, низведённые до положения животных.

Я увидел насколько неоднозначен может быть человек. Как низко и неотвратимо он может пасть. За пачку сигарет или заварку чая поставить на кон жизнь другого человека. И наоборот, отстаивая честь или доброе имя, одним мгновением перечеркнуть свою.

Я увидел, что быт зверей страшен. Шкала ценностей отличается от людской. Один и тот же индивидуум может не сожалеть о загубленной им человеческой жизни и искренне горевать об утерянной пуговице. Не спать ночами переживая о затерявшейся бандероли с табаком.

Духовные ценности, любовь, сострадание- стало второстепенным. Еда, чай, тёплые носки зимой, вышли на передний план.

В этой жизни от скуки и запредельной тоски резали вены, глотали ложки и вскрывали себе животы. Обыденным делом был секс между мужчинами. Этот мир был ужасен. Но он был также прекрасен, потому что такого величия духа, внутренней свободы и готовности идти до конца я не встречал более нигде.

* * *

Заключённые общего режима- народ зелёный и легкомысленный. Кроме того, в основе своей донельзя агрессивный. Первый срок воспринимается ими как игра, полная романтики.

Они переполнены бычьей дурью и силой. Очень часто бицепсы заменяют им мозги. Понятий нет, законы они не чтут, так как их заменяет кулак.

Это очень плохо, потому что, понятия, в местах лишения свободы значат очень многое.

От их знания или незнания, соблюдения или несоблюдения зачастую зависят жизнь и судьба человека. Но тема понятий, так же, как и высшая математика, доступна не всем. Именно поэтому спецконтингент зон общего режима, средний возраст которого 18–20 лет, над ними особо не задумываются. Зачем напрягать мозги, когда можно напрячь мускулы?

«Вся Россия живёт по понятиям. Это и есть русская национальная идея». Эта мысль принадлежит не мне, а Валерию Абрамкину, дважды топтавшему зону. Бывший инженер-атомщик, пройдя советские лагеря был абсолютно убеждён в том, что: «Жить по понятиям, гораздо легче, чем по законам советской власти».

К сожалению контингент пенитенциарных учреждений России трудов Валерия Абрамкина не читал. Это я понял в первый же день нахождения в лагере.

В этот же день я разбил металлической миской- «шлёмкой», голову, шнырю карантина. Прямо из столовой меня уволокли в штрафной изолятор.

Не зря зону общего режима называют «кровавый спец» или «лютый спец».

Драки и потасовки не были редкостью, а угрозы и матерная перебранка, истеричная, бессмысленная и опасная – просто висела в воздухе, расточая затхлые, выматывающие и нервы флюиды.

Я всерьёз стал размышлять о том, что если дело пойдёт таким образом, то я в кратчайшие сроки вполне могу заработать вторую судимость.

Не зря говорили умные люди, что первая судимость- это штука необратимая. После неё- судьбу назад уже не повернешь.

Но зона – есть зона. Здесь всё непредсказуемо. Лязг замка, вызов к ДПНК и тебя ждёт очередной зигзаг судьбы. Жизнь, до этого казавшаяся размеренной и устоявшейся делает разворот на 180 градусов.

Через пару месяцев, прокуратура пришла к выводу, что совершённое мною преступление относится к категории тяжких и внесла протест. Меня снова этапировали в СИЗО для замены режима на более строгий.

* * *

Я вновь оказался в следственном изоляторе. Не скажу, что я почувствовал радость от возвращения в знакомые места.

Тюрьма абсолютно не изменилась за несколько месяцев моего отсутствия. Я даже не успел по ней соскучиться.

Меня вели какими то коридорами, я поднимался и спускался по ступеням каменной лестницы.

Мелькали ряды серых железных дверей с глазками и засовами.

В тишине был слышен лязг открываемых передо мной решёток, гулкий топот шагов по бетонному полу.

Плотный лысоватый прапорщик подвёл меня к железной массивной двери.

Приказал:

– Стоять! Лицом к стене.

Коридорный поднял задвижку и приник глазом к глазку. Потом повернул в замке ключ, отбросил со звоном засов. Я шагнул через порог и остановился в шаге от двери.

Скрипнула закрываемая дверь, с лязгом защелкнулись замки.

За спиной осталась дверь, с вбитым в неё глазком – пикой. Чуть ниже – с артиллерийским грохотом откидывающаяся форточка- кормушка.

Душу вновь охватило пугающее, настороженное чувство, которое усугублялось тем, что после относительного светлого коридора камеру было почти невозможно разглядеть. Она освещалась тусклой лампочкой, спрятанной за решеткой в маленьком вентиляционном окошке над дверью и бросавшей узкий луч тусклого света куда-то на потолок и стенку выше верхнего этажа «шконки».

По недосмотру спецчасти или по оперативным соображениям меня вновь поместили в камеру для подследственных.

На шконках и за столом сидело человек десять. Двое, голых по пояс и татуированных арестантов тусовалось по небольшому проходу между столом и дверью.

На плече одного из них синела татуировка в виде эполета с толстой бахромой.

И ниже слова: «воровал, ворую, и буду воровать!»

Татуировка означала, что её обладатель идёт «правильной», то есть воровской дорогой.

Меня окружали серые стены, грубо замазанные не разглаженным цементом.

Один из сидельцев крутил в руках арестантские чётки, деревянные пластины, нанизанные на нитки.

Вдумчиво и поступательно, как у музыканта перебирались пальцы. Слышались щелчки.

Заметив мой взгляд музыкант подмигнул:

– Четки крутим, чифир пьем, по понятиям живем.

Тяжкий дух. Накурено. Пахло бедой. И люди вокруг- тяжёлые. Пара рож – примитивно-уголовные.

После того как заходишь в камеру сразу же начинаешь ценить воздух, которым дышал совсем недавно.

Я бросил матрас на металлический скелет железной шконки.

– Здорово бродяги!

Тут же раздался нервный голос:

– Ты куда свои кишки ложишь? Ты сначала скажи, кто по жизни? Мужики пусть скажет, кто он по жизни!

Я уже знал о том, что человеку, переступающему порог тюремной камеры необходимо помнить о том, что люди, находящиеся под следствием всегда на нервах. У них в сердцах тоска, страх, агрессия и ненависть. Но они коллектив. И тут приходит какой-то незнакомый хер…

Первая их реакция – любопытство. Интерес. Можно ли с него что-нибудь получить. Материальное- чай, сигареты. Или какой то другой интерес. Ну, а потом с тобой либо свыкнутся, либо нет. Если поведёшь себя правильно и не будешь «пороть косяки» тогда ты станешь своим. А если допустишь какую-то ошибку тогда станешь изгоем, «косячной рожей».

И это тоже надо сознавать отчетливо.

Я повернулся на голос. Молодой, прыщавый парень, с какими-то белыми глазами.

– Чёрт, я. – сказал я доверчиво, словно соседу через забор.

– Чёрт!?…

– Ага…чёрт. Только хвост у меня спереди.

– Га-ааа! Кипеш, отвали от человек. Завари лучше чайку.

За столом хлебал супчик из «бич» пакетов, шустрый старичок лет шестидесяти. Широко улыбался, словно акула.

– Откуда будешь?

– Восьмёрка.

– Первоход? Лютый спец?

– Он самый.

– Такая же канитель. В первый раз чалюсь. На общий режим собираюсь! Га-ааа!

Из под серой застиранной майки выглядывали русалки, солнце, профиль Сталина, похожий на усатую женщину. На кисти руки лучи заходящего солнца, имя – Витя. На пальцах татуированные перстни.

Мда-а…Богатая видать была биография у этого Вити – первохода.

Я уже слышал о том, что по поручению следователя тюремные кумовья-опера проводят оперативные разработки.

Не верьте сериалам, в которых преступления раскрываются при помощи экспертов, дедукции и экстрасенсов. Это блеф. Большинство висяков раскрывается старым проверенным дедовским способом. При помощи наседок.

Почти в любой следственной камере находится какой- нибудь Витя, Коля, Саня, всегда готовый дать дельный совет, поддержать в трудную минуту, поговорить за жизнь, а между делом выяснить кое-какие детали, интересующие оперчасть.

Человек, никогда не соприкасавшийся с тюрьмой и нахватавшийся верхушек о том, что блатные не сдают и не сотрудничают с ментами неизменно тянулся за советом к бывалому сидельцу.

Он был не способен быстро определить зыбкую грань между теми, кому можно доверять, а кому верить нельзя. Между действительностью и иллюзией, между друзьями и врагами, между настоящей жизнью и видениями.

Ему было необходимо поделиться теми мыслями, которые как паразиты грызли его день и ночь. Для психологической разрядки ему необходимо было выговориться. Неважно перед кем.

Редко встречаются люди, способные держать в себе то, что беспокоит их в данный момент больше всего.

И тут очень вовремя подворачивался взрослый опытный человек, прошедший Крым и Рым, сочувствующий твоей беде, не жадный на сигареты и советы.

Он говорил очень важные в тот момент слова – «Не ссы! Нагонят тебя с суда. Получишь условно».

И становился отдушиной, куда сливалась вся интересующая мусоров информация. Такие люди умели расположить к себе.

Прыщавый достал кусочек мыла, натер им снаружи кружку. Перевязав её куском полотенца, подвесил над унитазом, так, чтобы её не было видно через глазок в двери. Потом, присев на корточки поднёс к кружке кусок вафельного полотенца, свёрнутый вместе с полиэтиленовым пакетом. Получилось пламя, как у настоящего олимпийского факела.

Через несколько минут чифир был готов.

Тут же к закопченной кружке, называемой чифирбаком подсело человек пять. Дед- первоход несколько раз перелил тёмно- коричневое зелье из чифирбака в эмалированную кружку и обратно. Потом протянул кружку мне.

– Ну понятно, как первоход, так сразу вместо холодильника. На вашей командировке, как пьют?

Чифиристы переглянулись, первоход понял.

– По два. Не ошибёшься.

На разных зонах и тюрьмах чифирят по разному, иногда пьют по три, но чаще по два глотка.

Кружка пошла по кругу. Было видно, что уже после первых глотков некоторых начало тошнить, но они продолжали делать вид, что мама с детства давала им эту гадость вместо молока.

После лагеря, с его относительной свободой вновь оказаться в душной, воняющей парашей и капустной баландой камере, было смертельно тоскливо.

Серые бетонные стены камеры наводили тоску. Однообразие сводило с ума.

Каждое утро, в 6 часов, подъем. В 7 часов – завтрак. Откидывалась кормушка и через нее в мятых алюминиевых тарелках подавались баланда.

Режим и питание во всех тюрьмах один и тот же. Перловая каша или мутная баланда из рыбьих голов. Вместо десерта, чай- хозяйка, со вкусом половой тряпки.

Через ту же кормушку дежурный фельдшер ставил диагноз и выдавал всем больным одинаковые таблетки.

* * *

Это общеизвестный факт, что на тропу преступлений мужчины часто становятся именно из-за женщин. Любовные истории очень часто заканчиваются тюрьмой.

Я познакомился с Леной на работе. Зашёл в отдел кадров оформлять документы и потерял голову.

Она не была красавицей, но у неё совершенно по особенному пахли волосы, кожа. Как то иначе светились глаза. Была совершенно иная походка, чем у других женщин. Короче, совпали обе половинки одного целого. Она была старше меня на два или три года, замужем. Воспитывала сына лет десяти.

Я желал её страстно, не мог даже думать о других женщинах. Той последней, окончательной близости, которая дала бы толчок новым отношениям, еще не было, хотя я часто заходил в её кабинет и просто пожирал её глазами.

Однажды на праздники я остался ответственным по нашему строительному тресту. Я сидел у себя в кабинете и что-то писал. В здании была только диспетчер.

Вошла Лена.

– Я хотела с тобой поговорить, – сказала она, – ну, ладно…если ты занят, тогда потом…

Я отложил в сторону исписанные листки. Вскочил со стула.

– Пойдём в кабинет к управляющему, – сказала она. – Там диван. У меня есть ключи.

Я потянул ее к себе.

* * *

В тишине слышалось лишь наше дыханье. Мерцали её глаза через неплотно опущенные веки. Это было, как плаванье в неспокойном море. Нас с головой захлестывало волнами, мы задыхались под тяжелыми, сотрясающими тело ударами, нас выносило вверх, к ослепительному солнечному свету и снова швыряло вниз, в черные провалы беспамятства. Переводя дыханье, мы едва могли выговорить, только простонать имена друг друга…

В моей жизни появилась первая настоящая и единственная любовь, пришедшая нежданно. Свалившаяся на голову как снег на голову. Я и сам не думал о том, что можно задыхаться от счастья просто оттого, что она рядом! Ревновать её к мужу, сослуживцам, испытывать восторг от одного её взгляда или прикосновения. Нахлынувшее чувство заполнило и поглотило меня, я растворился в нём без остатка. И с этого дня моя жизнь была заполнена только ею.

* * *

Прыщавый Кипеш читал в слух газету.

– А вот братва, что пишут! В Чечне генерал Дудаев набирает добровольцев в национальную гвардию. Обещает дом с садом, землю, зарплату.

Кипеш мечтательно закатывает глаза.

– А чо, пацаны, было бы по ништякам, получить в Чечне автомат, приехать сюда и разобраться со всеми козлами и мусорами!

Дедок, после чифира размягчившись душой, закуривал сигарету.

– Ну да, по ништякам. Только ты не забывай, что тебе для этого сначала надо обрезание сделать. И звать тебя будут не Кипеш, а Махмуд. К тому же, если ты по приказу власти берёшь в руки оружие, то сразу же становишься автоматчиком. Почти сукой! Имей это в виду.

Ладно, лучше послушайте историю об арестантском житье- бытье.

И дед рассказывал молодёжи очередную тюремную байку.

– Как то один писатель решил написать книгу о смертниках, кого приговорили к «вышаку». Уговорил знакомого прокурора посадить его в тюремный спецблок.

В кругу слушателей пронёсся удивлённый гул.

– Сам сел в тюряжку? – недоумённо перебивал Кипеш. – Да я бы ни за что!

– Ты слушай давай, дурилка картонная! – Раздражённо рычал Саня Могила и почесывал на плече эполет. – Тебе же сказали, для кни-ги!

Выпустив струю дыма и уставившись в потолок, словно вспоминая все обстоятельства той истории Витя продолжал.

– Так вот сидит он месяц два…три. Аппетит хороший. Кушает баланду. Ему приносят передачи. Читает газеты, книжки. Ему всё нравится, тишина…покой. Писатель посмеивается, дескать сижу и сижу в смертной хате. Ничего страшного.

Но однажды приносят ему газету, а в ней некролог, дескать прокурор такой то погиб в автокатастрофе.

Писатель к двери. Давай колотить. Кричать- «выпустите! Я здесь случайно. Это ошибка!» Прибежал наряд. Надавали по почкам. Заковали в наручники.

Сколько не просил писатель, чтобы его отпустили, мусора над ним только смеялись. За сутки стал седым. Похудел на пять килограмм. Перестал спать. По ночам плакал.

Написал прошение о помиловании, где все чистосердечно описал, но пришёл отказ.

Писатель перестал есть, выходить на прогулку и начал разговаривать сам с собой.

Однажды ночью у двери камеры раздались шаги. Лязгнул засов. Писатель не спал, он знал, что рано или поздно за ним придут. Он сполз с нар и забился на полу в истерике.

Ещё немного и он бы наверное обосрался или сошёл с ума от страха. Но тут услышал знакомый голос и увидел перед собой того самого прокурора, которого считал погибшим.

Писатель ничего не мог сказать. Он только горько зарыдал.

– Успокойтесь, товарищ писатель! – Сказал прокурор. – Была допущена ошибка. Вы свободны.

В этот же день, писатель вышел на волю. Но говорят, что у него слегка поехала крыша и он перестал спать ночами. Всё время ждал, что за ним придут.

После этого он уже никогда не просился в тюрьму и не писал о зоне.

* * *

Шло время, и мы с Леной все больше и больше отдалялись друг от друга. Точнее, отдалялась она. Ей становилось скучно. Я продолжал ее любить, как прежде.

Когда почувствовал, что могу реально потерять ее, я испугался. И понял, что надо и впрямь что-то делать.

И я придумал… Я начал зарабатывать деньги. Делал ей дорогие подарки, водил в рестораны, кутил. Привёз из Греции меховую шубу известного бренда «Imperia Furs». В новой России она стоила примерно столько же, сколько до перестройки я зарабатывал за десять лет.

В конце восьмидесятых, в смутное время запущенной перестройки, когда и законоисполняющие органы, не знали, что уже можно, а что ещё нельзя, во времена всеобщей растерянности и наивных надежд, заработать было легко.

Один из моих приятелей, хорошо ориентирующийся во времени и пространстве открыл центр НТТМ при райкоме комсомола. А я придумал, как делать деньги из ничего. Из воздуха.

* * *

В тот день мы лежали рядом, чуть отодвинувшись друг от друга. Её кожа была загорелой, даже несмотря на зиму. Вызывающе торчали тёмно-коричневые соски. Она лежала рядом со мной бесстыдно обнажённая, и я чувствовал, что люблю каждую клеточку ее тела. И мне было в эту минуту абсолютно всё равно, замужем она или нет. Важно было совсем другое, что этой покорной, жадной, бесстыдной плотью владею я.

Я лежал и ждал, когда она откроет глаза.

Лена медленно повернула ко мне голову и сказала:

– Вчера к нам приходили. Спрашивали про тебя.

Моё сердце ухнуло вниз. Я прокашлялся и сказал:

– Это ерунда. Недоразумение.

– Не ври мне. Это очень серьёзно. Геннадий Палыч уже наводил справки. Это хищение государственных средств. Тебя наверное, посадят.

Геннадий Палыч, это управляющий, у которого я раньше работал. Он был большой человек. Депутат облсовета. Но меня защищать он не будет.

– Я надеялась, что ты когда- нибудь повзрослеешь. Но у нас с тобой нет будущего. Ты устраиваешь меня как любовник, но я не вижу тебя своим мужем.

К тому же я люблю своего Сергея.

Она говорила тихо, словно во сне, а я лежал и слушал. Каждое её слово, вонзалось мне в сердце, словно острый нож.

Много раз потом я слышал от женщин эти слова, но никогда мне не было так больно, как сейчас. Может быть потому, что тогда я любил по настоящему?

– Ну что же ты молчишь?

– Уходи.

Она не поняла меня. Спросила:

– Куда?

– Куда хочешь! Домой!.. К мужу! В жопу!

Она несколько секунд смотрела мне в лицо, потом встала и начала одеваться. Она надела лифчик, потом трусики. Накинула платье, сунула ноги в сапоги.

Мазнула из флакончика с духами на свои запястья. Пахнуло «шанелью».

На пороге обернулась, сказала негромко:

– Пока.

И ушла. Навсегда. Я слышал, как щелкнул замок входной двери.

Главный урок, который я усвоил тогда. С замужней женщиной и с женщиной, у которой есть другой мужчина, дела лучше не иметь

* * *

Когда за моей спиной впервые защёлкнулся замок металлической тюремной двери, самые страшные ощущения были от того, что я её больше не увижу. Никогда!

Я отдал бы всё, лишь за минуту близости с ней. Всего лишь за одну минуту!

* * *

Мне снился сон, будто я куда-то бегу, путь мне преграждает колючая проволока, я нахожу в ней небольшую дыру и протискиваюсь, скрючившись, оставляя на проволоке клочья одежды и куски окровавленного мяса.

* * *

«Первоходку» Витю увезли в какое-то районное КПЗ на следственные действия.

На следующий день с утра я заметил необычное оживление в хате.

Тускло светила лампочка под самым потолком в глубокой нише серой стены. Сама ниша была закрыта изрядно проржавевшей решёткой, покрытой пыльной, мёртвый паутиной. По стенам прыгали ломкие тени, зловещие и жуткие, как выходцы с того света.

Сокамерники молча отдирали от шконок металлические пластины, скручивали в жгуты простыни. Кучковались вокруг Лёни Пантелея, Кипеша. Верховодил Лёня. В каждой группе людей, объединённых в стаю, всегда появляется вожак, за которым идут другие.

Люди в неволе живут по правилам волков или диких собак. В стае есть установившаяся иерархия, в которой, каждый знает свое место.

Это не страх перед вожаком, а желание выжить.

Сокамерники собирались в кружок, перешептывались.

К моей шконке подошел Пантелей.

В руке у него металлическая пластина. Он прячет её в рукав.

Я приоткрыл глаза и Лёня спросил лениво- небрежно:

– Всё понял? Ты с нами?

Я кивнул.

Пантелей в ответ уважительно приподнял брови.

Думать о том, что я буду делать на свободе без денег, документов и опыта нахождения на нелегальном положении, не хотелось.

А зря, каждому человеку надо было жрать хотя бы раз в день, где-то спать, мыться, менять трусы, и при этом весь натренированно- обученный персонал ЧК- ОГПУ- ННВД- МВД будет

азартно и неустанно идти по твоему следу. Но пьянящий наркотик свободы уже ударил мне в голову.

Сегодня я увижу Лену! Ну, а потом посмотрим. В конце концов есть же чеченский генерал, который не спрашивает документов и обещает каждому желающему дать оружие.

Через полчаса нас повели на прогулку. В прогулочном дворике мы напали на контролёров. Их только связали, затыкать рты уже не было времени. Они не кричали и не сопротивлялись.

Я поднёс к носу одного из выводных оторванную от шконки металлическую пластину и сказал:

– Лежи тихо, а то…

Только потом уже я понял, что этого можно было и не делать. Надзирателям заранее проплатили, и их можно было даже не пугать.

Пупкарей оставили в прогулочном дворике.

Лёня забрал у них ключи, мы построились в колонну по двое и пошли по длинному, с решетчатыми перегородками тюремному коридору. На тюрьме была страшная текучка сотрудников, многие увольнялись даже не успев получить форму. Попадавшиеся нам навстречу контролёры не обращали внимания на то, что сопровождавший нас был в штатском.

Следственный изолятор, это город в городе. Какие то подземные и надземные коридоры, отводы, закоулки, лестницы. Многие коридоры дублируют друг друга.

Странно и удивительно, что мы не заблудились.

Дошли до первой решетчатой перегородки. Надзиратель открыл дверь на перегородке, мы прошли.

По широкой лестнице поднялись на четвёртый этаж, к зарешеченной двери, ведущей в широкий коридор. Это был штабной этаж.

Окна в конце коридора выходили на свободу.

Первым соскочил на землю Лёня Пантелей. Потом ещё двое или трое человек.

Примерно на уровне второго этажа самодельная веревка, сплетенная из простыней, затрещала и оборвалась.

На простыне в тот момент висел Саня Могила. Он упал на ноги, перекувырнулся через голову и прихрамывая побежал во дворы. Завыла сирена.

Мы начали прыгать из открытого окна и тут же с переломанными конечностями складывались на асфальте.

Потом я узнал, что мы прыгали с высоты четырнадцати метров.

С вышки хлёстко ударил выстрел. Пантелей и те, кто мог бежать, бросились врассыпную.

Краем глаза я увидел, что у ворот СИЗО затормозил армейский «Газ-66». Солдаты выпрыгивали из кузова и держа автоматы наперевес бежали к нам.

Нас били долго и целенаправленно. Цель была не убить. Только отнять здоровье. Что-то внутри вибрировало, хрипело, ёкало, как сломавшийся механизм… Перед глазами плыли разноцветные круги, прерывая своё мерное течение уже не страшными вспышками боли.

Я пришел в себя уже в подвале тюрьмы. Моя душа как бы вылетела из собственного тела и с высоты потолка смотрела на людей в офицерской форме и какие-то инородные тела.

Словно куски отбитого молотком мяса, мы валялись на грязном бетонном полу, задыхаясь от густого запаха хлорки.

Изредка заходил тюремный врач. Зачем-то щупал у нас пульс, отворачивая лицо в сторону. Глаза у него были страдальческие, как у больной собаки.

Наши сердца были уже в прединфарктном состоянии, а всё новые и новые пупкари с красными околышами на фуражках заходили в санчасть как к себе домой и били, били нас всем, что попадало под руки- резиновыми дубинками, стульями, сапогами, инвентарём с пожарного

щита, висевшего в коридоре. Слава богу, что на нём не было ничего кроме вёдер и огнетушителей. Если бы там висели топоры и лопаты, нас бы забили до смерти.

Больше всех усердствовал красномордый надзиратель лет тридцати, по кличке Тракторист. Его рубашка на груди, под мышками и на спине была мокрой от пота.

Потом прибежал тот самый выводной, которого мы закрыли в прогулочном дворике. Увидев меня, он почему то стал в боксёрскую стойку. Нанёс несколько ударов в корпус. Я почти не почувствовал боли.

При избиении присутствовал тюремный кум, капитан Хусаинов. Он и сам некоторое время помахал дубинкой, не забывая при этом задавать нам профессиональные вопросы:

– Сколько человек бежало? Кто был организатором побега? Где прячутся остальные?

Когда пупкари уставали и их воинственность затихала, они выходили, Женя Кипеш, мой товарищ по несчастью с трудом резлеплял разбитые губы: «Смотри ка, даже не убили. Не мусора, а сплошные гуманисты!»

Так меня ещё никогда били. Ни до, ни после. И в тот момент я понял, что самое страшное – это отчаяние.

Побег, особенно с убийством, или с нападением на конвой, это всегда ЧП.

Объявляется тревога во всех подразделениях областного УВД. Бешено мигают лампочки на пультах дежурных частей. Разрываются телефоны, трещат телетайпы, рассылая по всем городам ориентировки с приметами побегушников.

Поднимается по тревоге личный состав районных отделений милиции, ОМОНа, СОБРа, исправительных учреждений. Громко хлопают дверцы милицейских машин, матерятся собранные для инструктажа участковые и оперативники.

Матёрые розыскники листают и перечитываю личные дела беглецов, выясняя адреса на которых они могут скрываться. Высокопоставленные офицеры УВД, матеря мудаков и разгильдяев, осуществляют общее руководство и контроль.

Не гнушаются они и личным участием в поимке и допросах.

Когда я уже был на грани помешательства от побоев и боли, приехали начальник СИЗО и какой-то милицейский генерал. С ними еще человек пять офицеров с большими звёздами на погонах. Руководство УВД изъявило желание лично увидеть задержанных.

Кипеш застонал. Он лежал рядом со мной и только что пришел в сознание. Кто-то из контролёров пнул его ногой:

– Живучее падло!

Открыв глаза я увидел над собой хромовые сапоги и полы длинной серой шинели.

Милицейский генерал что-то сказал и вышел в коридор.

Полковник внутренней службы Валитов брезгливо посмотрел на нас и сказал:

– Этих на больничку. Мне покойники здесь не нужны. Пусть там подыхают.

Нас поволокли по тусклому коридору. Потом перед нами распахнулись дверцы автозака, на запястьях защёлкнулись наручники.

На заломленных руках нас втащили в «воронок», бросили лицом в железный пол. Взревел мотор. Поехали.

Машину подбрасывало на ухабах, нас с закованными в наручники руками мотало и швыряло по кузову.

Минут через тридцать машина остановилась, подъехали к вахте. Кто-то приказал вытащить нас из машины. Когда тащили Женьку он застонал.

Кто-то сказал: «Смотри- ка, ещё живой». Было уже темно, на запретке горели огни.

Среди ночи, солдаты и зэки из обслуги приволокли нас в каменный бокс.

Штрафной изолятор, ночь. Где- то вдалеке лаяли собаки.

По коридору, позвякивая ключами, бродил дежурный контролёр.

В углу камеры из ржавого крана капала вода. Падающие тяжёлые капли гулко били по поверхности раковины. Кап! Кап! Кап!

Словно пролитая кровь.

В свете тусклой электрической лампочки я увидел рядом на полу скрюченное тело. Это был Женька. Он с с трудом открывал глаза и что-то шептал разбитыми губами. То ли плакал, то ли молился. Глаза у него были тоскливые, словно у умирающей суки.

Я пробовал забыть о том, что случилось за последние сутки- не получалось. Мне казалось, что я чувствую запах собственной крови. Было больно и страшно.

У меня сжалось горло. Я целиком состоял из жестокости, боли, тоски. Только под самым сердцем почти неслышно, но постоянно скулила все та же беда.

Превозмогая боль, я снял с себя рубашку и оторвал от неё несколько широких полос. Сплёл верёвку. Отбитые пальцы слушались плохо.

В голове пустота. И тишь.

Я пока жив. Но скоро засну…Насовсем…И уже не будет ничего. Ни звёзд над головой…Ни боли.

Пробую верёвку на прочность. Через секунду просовываю голову в петлю.

Верёвка натягивается. Сознание меркнет.

«Прости, мама…»

Внезапно я валюсь на пол, пытаюсь приподняться, но в дрожащих руках нет сил.

Вязкий, как глина страх, обволакивает тело и нет сил кричать. Я лишь корчусь на полу от боли и беспомощности. По моей щеке покатилась какая – то тёплая, влажная капля.

Через много лет я на выходные буду прилетать в Париж и сидеть в ресторанчике на площади Бастилии.

Париж живет в полной гармонии со своими жителями – весело, деловито, чуть суетливо, не замечая окурков на тротуарах, как говорят парижане, «нон шалан».

Много лет назад жители Парижа ворвались в самую неприступную крепость – тюрьму Франции. Земная жизнь самой страшной тюрьмы Франции закончилась бесславно. Сегодня о ней напоминают лишь контуры тюрьмы, выложенные на мостовой.

Может быть именно поэтому парижане так открыты, искренни и свободолюбивы?

Я буду смотреть в окно на гуляющих парижан, пить кофе с круассанами и апельсиновым джемом и удивляться своей памяти. Было ли всё это со мной? Или это был сон?

* * *

Я не помню сколько дней или часов плавал между бредом и явью. Я никогда ещё не был в таком странном положении. Я видел перед собой серое поле. На растрескавшейся, как от атомного взрыва земле, гнулась под ветром одинокая былинка. И во мне жило осознание того, что былинка это я. И я остался один на всей планете. Один! Моё сознание кричало- «Я не хотел этого».

Боже мой, как же мне было страшно и жутко в тот момент!

Потом какие-то странные звуки стали доходить до меня.

Это лязгнул засов и в конце коридора хлопнула входная дверь. По бетонному полу коридора загрохотали тяжёлые шаги. Заскрипела дверь.

Прапорщик с повязкой на рукаве вошел в камеру. Я увидел освещенное лампочкой крупное бледное лицо с красными от недосыпа глазами.

За его спиной стояло несколько зэков с носилками.

– Этих, на выход!

* * *

Из ШИЗО нас подняли в зэковскую больницу. Стояла утренняя тишина, синие лампочки зловеще освещали коридор. В воздухе висел стойкий запах карболки. По локалке прогуливались остриженные наголо мужики в серых застиранных кальсонах и байковых халатах. Блатные и козлы щеголяли в белых брюках, пошитых из украденных простыней.

В палате стоял запах гноя, который никого особо не беспокоил.

Через полчаса по коридору забегали шныри-санитары, в зэковской робе, с лантухами-повязками на рукавах. Пришёл какой то человек в белом халате.

У меня были переломаны обе ноги. Сломан позвоночник. У Женьки переломан таз.

Человек в белом халате присел на краешек койки. У него тщательно подбритые усики, морщинистое лицо, печальные еврейские глаза. Под халатом топорщатся погоны.

– Давай знакомиться. Я – твой лечащий врач, Бирман Александр Яковлевич. Плохи твои дела. Надо оперировать.

Я *разлепил пересохшие губы.*

– Ходить смогу?

– Ходить сможешь!

– А танцевать?

– Думаю, что тоже… Сможешь!

– Странно, а раньше не мог…

Бирман встал. Тон стал официальным. Сухо бросил.

– Готовьтесь. Встретимся в операционной!

Женьку тут же утащили на операционный стол. Спустя несколько часов унесли и меня. Оперировал капитан медицинской службы Бирман. Перед тем как вдохнуть в свои лёгкие эфир, рядом со мной возникли глаза хирурга, глянули зрачки в зрачки. Я увидел печальные еврейские глаза поверх повязки.

Хирург что-то сказал. И вдруг стало легче на сердце.

Не спалось в первую ночь, да и в последующие тоже. Ныли ноги, проткнутые металлическими спицами Илизаровского аппарата.

После побега моя личная карточка переместилась в картотеку для склонных к нарушению лагерной дисциплины. Начальник режима лично нарисовал на деле красную полосу, такую же, как на тунике римских всадников.

Красная полоса на обложке личного дела или прямоугольный штампик «Склонный к побегу» на первой странице, словно тавро на шкуре жеребца. Так метят чрезмерно вольнолюбивые натуры, за которыми Администрация должна была надзирать неусыпно.

Это правило соблюдалось неукоснительно. Каждые два часа в палату заходил ДПНК, чтобы удостовериться в том, что я нахожусь на своём месте. Несколько раз за ночь, стуча каблуками заходили контролёры, светили фонарями в лицо.

* * *

Самым известным врачом на областной больнице был заведующий хирургическим отделением, Михаил Михайлович. Между собой зэки, как водится, звали его Мих- Мих.

Фамилия его была… Нет! Не скажу. Каждому человеку надо оставлять шанс на покаяние…

Мих- Мих был известен тем, что тех, кто ему не нравился, он резал на операционном столе без наркоза.

Тяжелобольному за курение в палате мог объявить, что лечить его не будет и выписать обратно в лагерь.

Только что прооперированных, отправлял в ШИЗО.

Ещё в хирургии было три медсестры. Работа в зоне считалась престижной.

Государство доплачивало им за женский риск в мужской колонии. Называлось это «за боюсь». Хотя в лагере вряд ли кто посмел бы их обидеть.

Дежурили медсёстры посменно.

Татарка Фаина была красивой восточной женщиной и такой же злой. Молча вкалывала укол и выходила. Второй была Раиса Ивановна, толстая женщина предпенсионного возраста. Третья была, Татьяна Ивановна, Таня. Высокая, стройная, лет тридцати, с пучком рыжих волос.

Лицо у нее было очень милое, с ямочками на щеках, а глаза с синевой, цвета сапфира, миндалевидной формы, слегка удлиненные карандашом. Она казалась похожей на добрую фею.

Медсёстры нравились, как нравятся любые женщины в подобных условиях. Из тридцати пяти человек лежащих в хирургическом отделении, все тридцать пять, включая педераста Яшку Ушастого томилось похотью.

Держала Таня себя довольно уверенно и свободно, говорили, что она не замужем. Одна воспитывает дочь. До этого служила медсестрой в Афганистане. Там платили чеками. Деньги ей были нужны. У дочери было редкое заболевание, сопровождающееся повышенной ломкостью костей- несовершенный остеогенез.

Когда я после наркоза пришёл в себя, то увидел женские глаза, смотрящие на меня. В этих глазах была Вселенная.

Таня смотрела на меня долгим, добрым, правда, чуть-чуть с горчинкой взглядом.

А мне, несмотря на боль, хотелось погладить пушистую гривку её волос.

* * *

Мои ноги были закованы в металлические аппараты, состоящие из четырех стержней, которые соединяли несколько колец. В кольцах были туго натянуты перекрещенные спицы. Крепили конструкцию гайки и болты.

Сломанные кости, протыкались металлическими спицами под углом девяносто градусов, туго натягивались и фиксировались.

Когда тебе протыкают кость спицей – удовольствие небольшое, но выбора нет. Либо терпеть, либо хромать всю жизнь.

Ноги болели так, словно у них были зубы, с которыми только что поработала бормашина. Я по прежнему не мог ни сидеть, ни стоять.

Через две недели зашёл доктор Бирман. Потрогал, как натянуты спицы. Что то подкрутил гаечным ключом.

Выгнал всех ходячих из палаты. Сказал:

– Вижу, что настроение не ахти. Всё понимаю. Но пойми и ты. Тебе надо вставать. Заставлять себя стоять и ходить. Иначе инвалидность. И ещё…Запомни. Если ты сейчас уступишь, считай, что тебя уже нет.

Говори себе эти слова, когда тебе будет страшно. Или когда захочется просто лечь и ничего не делать.

Тогда ты не просто выживешь, но и останешься человеком!

Через неделю я начал уже начал делать небольшие прогулки к туалету. По дороге несколько раз останавливался, прижимаясь спиной к холодной стене.

* * *

Рано утром в палату принесли доставленного по скорой пожилого зэка.

Пока готовили операционную, он пришёл в себя. Лёжа на кровати- закурил.

В палату ворвался Мих Мих, морда красная, злая. Из под белого халата выпирает пузо, обтянутое форменной рубашкой. За спиной маячит капитан Бирман. Зав отделением спрашивает отрывисто:

– Кто курил?

Больной зэк, с отсутствующим лицом измученного болью человека, медленно загасил окурок.

– Ну я?

Заведующий отделением ошалел от такой наглости.

– Борзый?…По жизни – кто?

– Вор- я.

– Кто-ооо?

Назвавшийся вором человек, с трудом приподнялся в кровати, сел, демонстрируя спокойную уверенность в себе и чувство собственного достоинства.

– Вор!

Палата заволновалась. Зэки начали подниматься с кроватей, чтобы разглядеть законника.

Мих Мих крутанулся на каблуках. Побежал к выходу. Бросил.

– В операционную его!

Пожилого арестанта звали, Вадик Резаный. Пока его оперировали прибежал человек от смотрящего.

Кровать перенесли в отдельную палату. Застелили новым постельным бельём. Набили тумбочку чаем, сигаретами.

Пока Резаный отходил от наркоза, с двумя сопровождающими, пришёл сам смотрящий, Мирон.

Заглянул в окошко. Затем зашёл в палату. Вид у него был задумчивый и скорбный.

Коротко глянул на спящего человека, назвавшегося вором. Ничего не сказал. Вышел.

В бараке шли тихие разговоры. Вор или самозванец?

Если вор, тогда почему не было прогона, о том, что едет вор? Почему его не встретил смотрящий?

Если он самозванец, почему его не заколбасили прямо в палате?

Утром, моя полы, Яшка Ушастый сказал, что ночью Вадика Резаного спецэтапом вывезли за пределы управления.

– И с тобой не попрощался? – спросил Кипеш.

Яшка, что- то пробурчал.

Заматеревший на лагерной службе Мих Мих вздохнул с облегчением, нет человека, нет проблемы. Кем бы не оказался Вадик Резаный, вором или самозванцем, это была лишняя головная боль.

* * *

Думаю, что тех, кто попадает в советские тюрьмы надо отправлять на судебно- психиатрическую экспертизу. Всех и без исключения.

На мой взгляд только сумасшедший может так упорно стремиться в эти стены, где его бьют, унижают, лишают свежего воздуха, общения с близкими и много ещё чего.

Нужно быть полным идиотом, что бы подвергать себя таким лишениям из-за чужого кошелька с какой-нибудь жалкой трёшкой или червонцем. Я встречал одного товарища, который гордо носил звание особо опасный рецидивист за украденную по молодости овцу из колхозной отары, потом сразу же после отсидки- два мешка картошки. Потом рецидивист свёл полуживую от старости корову у своей соседки.

Такая уголовная карьера не редкость. Когда я встретил этого уркагана где-то на этапе, тот поведал, что на этот раз получил четыре года, за то, что через закрытое окно забрался на стройку дома, где обнаружил несколько ящиков с кафельной плиткой. Пока он в задумчивости чесал свой затылок, нагрянул прораб и вызвал милицию.

Следователю незадачливый воришка признался, что хотел плитку умыкнуть. Обрадовался как дитё, что дали четыре, а не семь, как особо опасному.

Я сказал:

– Дурак ты, дурак. Мог бы вообще ничего не получить, сказал бы следователю, что залез не красть, а по нужде. При самом скверном раскладе получил бы 15 суток и через две недели полетел бы на волю белым лебедем.

Рецидивист задумался. Потом сказал:

– Не-еее! Если бы соврал, судья дал бы по максимуму. А так за честность дали ещё по божески.

Ну как такого человека не отнести к разряду сумасшедших?

Если психическое состояние подследственного вызывало у следователя беспокойство, тот назначал экспертизу, обычно амбулаторную. Её называли пятиминуткой.

Психиатры диагноз ставили за пять минут, без какой либо диагностики. Решающим зачастую могло стать случайно оброненное пациентом слово или наоборот нежелание отвечать на какие-либо вопросы.

Как правило, медики советской школы не ошибались, если признавали больным здорового, потом лекарствами доводили его до поставленного диагноза.

Как мне в последствии пояснил один доктор, психические заболевания имеют специфическую клиническую картину. Диагностические исследования не обязательны, они нужны только в случае сомнений.

Сомнений, как правило, не возникало.

Как правило, тех кто совершил серьезное преступление: убил с особым цинизмом, а потом съел, направляли на стационарное обследование.

Мне же судя по всему ни то, ни другое не светило. Человек, совершивший хищение государственного или общественного имущества в крупном размере, и признанный идиотом, это действительно выглядело неправдоподобно.

Через месяц я уже был в силах передвигаться, и понимал, что меня ждёт скорая встреча с персоналом СИЗО.

К тому же, судя по всему, за побег мне корячилось вполне реальное прибавление к сроку.

И я придумал. Дождавшись обхода врача я спрятался под одеяло. Услышав, что он приблизился к моей кровати, я чуть высунул голову.

– Доктор, меня хотят убить! – Капитан медицинской службы Бирман, не удивился.

Он таких пациентов наблюдал регулярно.

– Тэк! – Сказал он. – Кто именно?

– Администрация СИЗО- доверительно сообщил я. – Это мафия, которая совершает преступления в стенах государственного учреждения. Оборотни. Я важный свидетель. Они это знают. Поэтому решили меня устранить.

Надо отдать Александру Яковлевичу должное. Он был профессионал. Поэтому сразу понял, что здесь нужен специалист другого профиля. Минут через тридцать он привёл психиатра, который пытался со мной говорить.

Я осторожно, как страус, высунул голову из под одеяла и заорал показывая пальцем на форменный галстук, выглядывающий из под белого халата психиатра.

– Это мент! Мент! Убийцы! Оборотни!

В этот же день меня перевели в психиатрию. В отдельную палату. Её дверь закрывалась на замок. Разумеется с той стороны.

Я выбрался из-под одеяла и с удовольствием прогуливался по палате. Четыре шага вперёд, четыре- назад.

Через три дня меня выписали. У ворот ждали железная коробка автозака, конвой, собаки.

Совсем неожиданно, перед этапом ко мне подошёл капитан Бирман. Встал рядом, сказал негромко, почти шёпотом:

– У вас хорошее лицо, и мне кажется, что это не ваша дорога. Думаю, что вы поправитесь. У вас всё ещё очень изменится и вы сделаете много доброго в своей жизни. Не берусь вас судить. Желаю только счастья и скорой свободы. Прощайте…

Я растерялся. Я не был готов к проявлению человеческих чувств со стороны ментов. Не знал, как себя вести. Возражать или соглашаться.

Я только кивнул головой. Закинул в открытую дверь пакет с нехитрыми пожитками и потихонечку забрался в кузов.

Но в своём сердце я навсегда сохранил благодарность к этому тюремному доктору, сумевшему остаться человеком.

Несколько дней я просидел на тюрьме в ожидании спецэтапа на стационарную экспертизу.

С самого раннего утра мы, кто на суд, кто на экспертизу несколько часов ждали окончания сборки в сырой и прокуренной камере подвала. Это был старый корпус тюрьмы, построенной ещё при Екатерине. Запах здесь был какой то нежилой, как в склепе. Потом нас быстро и небрежно ошмонали и наконец загнали в клетку автозака.

Прямо передо мной, за решёткой дремали два милицейских сержанта.

Милиционеры просто поставили свои автоматы на пол, прислонили их к стене. Когда машина подскакивала на ухабах, автоматы слегка стукались друг о дружку.

Сидящий перед решёткой зэк спросил участливо:

– Что?… Приустали касатики?

Один из сержантов приоткрыл щелочки глаз.

– Да вас охранять замучились!

Зэк затряс решётчатую дверь.

– Товарищ сержант, дайте мне ружьё, я сам покараулю это бандитское отродье.

Оба конвойных напряглись, потянулись к оружию.

– Э-эээ! Грабли убери. А то сейчас черёмухой брызну!

Зэк боязливо отодвинулся.

– Невоспитанные вы какие-то… Я же из человеческих побуждений!

Потом он тихо рассмеялся. Пробормотал:

– Вот бля! Дожили. Менты за решёткой!

Через маленькие дырочки в двери словно в калейдоскопе мелькали дома, светофоры, деревья в багряной листве. Сквозь бензиновую гарь пробивался запах прелой листвы, дыма костров. За колёсами проносящихся машин тянулись жухлые бурые листья. Наступило бабье лето. Та самая золотая пора, многократно описанная русскими поэтами. Вот только мне было совсем не до поэзии.

– Скоро начнутся дожди, слякоть, грязь. – Думал я. – А мне в зону. Точь в точь, как у Кагарлицкого.

Люблю я осеннюю стужу и слякоть,

Родной сельсовет с деревянной звездою.
Люблю я в автобусе ехать и плакать,
Что рожь и пшеница
Накрылись мандою.

Психоневрологический диспансер закрытого типа больше всего походил на каземат. Мощные, кирпичные стены с колючей проволокой. В огромных железных воротах- калитка. В центре периметра двухэтажное здание серого вида. Окна забраны решётками.

По сути, это та же тюрьма, те же помещения камерного типа и, если ты находишься в одной камере, то о соседях из другой будешь знать только по тюремной связи.

Врачи и надзиратели здесь неотличимы друг от друга.

Правда близлежащие газоны были засеяны цветами. Благостно пели птицы.

В стационаре меня осмотрел дежурный врач. Он был настолько объёмен, что его живот частично разместился на столе. Откинувшись на спинку стула доктор снисходительно поинтересовался:

– Ну-с, на что жалуемся, больной?

Я будучи твёрдо уверен в том, что любой шизофреник считает себя здоровым, возразил.

– Доктор, я не больной! Я абсолютно здоров.

Врач удивился. Сделал какую то пометку в своей тетрадке.

– А почему же вы тогда здесь? – Я привстал со стула. Доверительным шёпотом поведал:

– Это мафия, доктор. Милицейская мафия. Следователь в сговоре с начальником тюрьмы и прокурором. Меня хотят объявить сумасшедшим, а потом заколоть в дурдоме лекарствами. Методы сталинских опричников мне хорошо известны. Именно через это прошли Анатолий Марченко, Владимир Буковский и Александр Солженицын. Доктор удивился ещё больше.

– Что…И Солженицын тоже?

Я подтвердил.

– Да! Он в первую очередь.

На мой взгляд, психическая импровизация мне удалась. Я подчёркнуто нервничал, озирался, жестикулировал, украшал свои экспромты медицинскими терминами.

Выслушав меня доктор распорядился отвести меня в палату.

Меня встретила большая палата человек на десять. У зарешеченной двери на стуле сидел милицейский сержант. В центре стоял длинный стол. На окнах решётки.

Обитатели палаты лежали на кроватях, сидели за столом. Смотрели исподлобья.

Я осмотрелся по сторонам. Атмосфера была недружественная. В памяти всплыло где-то услышанное – «дом скорби».

Издали, из блатного угла мне махал рукой молодой чернявый парень.

– Подгребай. Курить есть?

Я достал спрятанную за подкладку сигарету.

За полчаса новый знакомый рассказал мне всё, какой контингент, чем кормят, за что устроился сам.

Его звали Олегом. Был он из Молдавии, здесь служил, потом женился, остался. Здесь же и зарезал свою жену. Потом попытался сжечь тело.

Свидания были запрещены. Нельзя было также читать, писать, громко разговаривать. Радио, телевизора нет. Но, правда, имелся неполный комплект домино и непонятно для чего картонное шахматное поле.

Врачи не появлялись. Никакого лечения не проводилось. Зато персонал круглосуточно фиксировал в журнале наблюдений всё происходящее.

По утрам в унылом больничном сквере разгуливали те, кого всё же признали больными.

Они были одеты в одинаковые халаты горчичного цвета.

Предпочитали гулять поодиночке. Некоторые беседовали сами с собой, энергично жестикулируя при этом. Другие отрешённо смотрели себе под ноги.

Под их ногами шуршала жёлтая листва. Маленький худой армянин, грохоча, катил телегу, на которой стоял бак с кашей. Застиранный байковый халат делал его похожим на старуху Шапокляк.

Год назад, проходя службу в танковом полку, он угнал танк. Его хотели судить. Но приехали родственники из Еревана. Солдата комиссовали и он начал делать карьеру на стезе психиатрии. Пока правда в качестве сумасшедшего. Но ему уже доверяли столовые ножи и разрешали свободное перемещение по территории диспансера.

Олег умудрялся где-то доставать сухой чай. Мы жевали сухую заварку, запивая её водой из под крана.

Чай на какое – то время давал иллюзию кайфа.

По ночам я пересказывал однопалатникам прочитанные книги, читал стихи. Наибольшим спросом пользовались диссидентская поэзия моего студенческого друга Серёги Германа:

И плакала земля,
когда ломали храмы,
когда кресты переплавляли на рубли,
когда врагов,
под стук сапог охраны,
десятками стреляли у стены.
А кто заплачет обо мне,
когда судьба закончит счёт
и жизнь моя,
под слово- Пли!
У грязных стен замрёт.

Некоторые милиционеры ночью выпускали нас в туалет, курить. Примерно через три недели, я предвидя скорую выписку, в туалете разодрал футболку. Сплёл из неё верёвку, спрятал в подушке. Ночью снова попросился в туалет и там, услышав шаги санитара, сымитировал повешение.

Меня притащили в палату. Санитара заставили писать объяснение. Потом он долго сокрушался, «и чего я тебя спасал урода!? Премии из-за тебя лишили».

Трюк не удался. На следующий день меня выписали и отправили на тюрьму.

* * *

Суд был суровым и скорым: вся его процедура заняла не более часа. Обвинитель запросил семь лет.

«Этого срока, – сказал он – будет достаточно, чтобы подсудимый исправился и стал равноправным членом общества». Интересно, какой Бог наградил прокурора таким даром, определять, кто исправится за год, а кто за десять?

Перед приговором я загадал:– «Если пронесёт, обещаю завязать с нечестной беспутной жизнью. Женюсь. Буду трепетно относиться к закону…»

Но не пронесло. За побег к пятерику добавили ещё год. Строгого.

Строгий режим это ничего, даже хорошо. Я уже убедился, что чем строже и страшнее режим, тем спокойнее сидеть. Чем больше у людей отсиженного срока- тем более они приспособлены к нахождению среди подобных себе.

В этом конечно же нет заслуги пенитенциарной системы.

Просто долгое сосуществование среди одних и тех же людей, в условиях ограниченного пространства рано или поздно приводит к каким-то конфликтным ситуациям.

Опытные сидельцы, прошедшие через ад советских и российских тюрем уже давно поняли, что тюрьма это не арена для гладиаторских боёв, а их родной дом, где им предстоит провести много, много лет, а возможно, что и всю жизнь. Там надо будет жить, работать, отдыхать и потому во избежание нежелательного геморроя, в виде последствий и карательных мер со стороны Администрации волей неволей приходилось становиться настоящими мастерами компромиссов.

Зная, что одно необдуманное слово может привезти к заточке в бок, опытные зэки приучали себя «фильтровать базар», контролировать свои действия и умело просчитывать их последствия.

На общем же режиме преобладала руготня- бессмысленная, изощренная, страшная, затеваемая даже не во время ссоры, а просто в процессе общения. Она до сих пор вспоминается мне с некоторой оторопью.

* * *

В осужденке у всех один разговор – скорей бы на зону. На зоне хорошо. Там можно ходить по земле, дышать воздухом, смотреть телевизор. Там кино, баня, куча впечатлений, множество разных людей. А ещё постель с простынею и наволочкой. На электроплитке можно пожарить картошечку.

Там настоящая жизнь, не то, что в тесной, провонявшей табачным дымом камере следственного изолятора. Почти воля. Красота!

Женьку Кипеша с суда нагнали домой. Он получил три года условно. Спрашивается, зачем бежал? Романтики захотелось что ли?

* * *

Странно устроен человек. Я ждал этапа как манны небесной, но когда ранним утром коридорный постучал ключами в дверь, назвал мою фамилию и приказал собираться на этап, я, закинув за спину баул, собранный мне приятелями, всё же остановился в дверях, чтобы оглянуться на бетонные стены и серые лица людей, с которыми успел подружиться за многие месяцы. На какую-то долю секунды мне стало жаль расставаться с этим местом.

* * *

Спецавтомобиль для перевозки заключённых, автозак, или по старому – «ворон» гудел, словно пчелиный рой. Разделенный внутри на узкие секции – «боксы» – он и в самом деле походил на огромный потревоженный улей.

Вместимость «воронка» составляла до двадцати человек, включая трёх человек из конвоя. Ещё двое сидели в кабине водителя.

Но бывало, что автозак набивали человек под сорок. Последних, с дичайшим матом забивали в машину уже пинками. Очень часто, когда фургон был уже полон и зэки орали:

– Начальник! Ты рамс попутал! Тут уже места нету!

Начальник конвоя пускал вперёд служебную собаку- «Фас!»

После этого на вопрос конвоя зэки дружно кричали:

– Начальник! Да места полно. Можешь ещё столько же затолкать!

После того, как зэков утрамбовали, машина, скрипя перегруженными рессорами рванулась вперёд.

Я уже обратил внимание, что стоит только нескольким зэкам собраться вместе, как все они тут же считают обязательным закурить. Одновременно. В тесных боксах стоял дым. Надсадно кашляли тубики. Периодически машину подбрасывало на ухабах.

Один из зэков, клацая золотыми зубами весело и зло кричал:

– Дрова везёшь, сука!?

Он был худ, костистые скулы обтягивала желтоватая нездоровая кожа, голова острижена под машинку. В темноте мерцали тёмные, злые глаза. Тускло блестели зубы.

Двое молодых зэков негромко переговаривались.

– Слышал, что на больничку вор заезжал.

– Ну да! Вадик Резаный. На больничке он недолго пробыл. Кумовья его сразу же после операции на этап отправили. Им геморрой не нужен. Только не вор он. Раскоронован. На крытой по ушам дали. По этапу уже фраеришкой шёл.

Примерно через час автозак дёрнулся и остановился. Заскрипели железные ворота. Взревел двигатель, машина дёрнулась и проехала ещё несколько метров. Закрылись первые ворота, открылись еще одни. Шлюз!

Автозак въехал во двор колонии, остановился, но мотор продолжал работать.

Внезапно все резко изменилось: интонации голосов конвоя, лай овчарок, запахи. Тот, что с золотыми зубами, перекрестился.

– Ну слава Богу, вот мы и дома. Господи, спаси меня, грешного, от порядка здешнего, от этапа дальнего и от шмона капитального…

Жёсткий хриплый голос с раздражением крикнул:

– Выходи!

Зэки спрыгивали на грязный асфальт. Закидывали на спины баулы и клетчатые сумки со своими пожитками, затравленно озирались.

Сержант- водитель заглушил двигатель, захлопнул дверцу и облокотился на решётку радиатора.

Последним из машины спрыгнул золотозубый. Поеживаясь от холода, он закинул на плечо тощий сидор и присел на корточки.

Зона… конвой, собаки. Чуть вдалеке грязновато- серые здания бараков, штаба, бани. На фасаде штаба покоробившийся фанерный щит.

По серому небу лениво плыли кучевые облака, они почти цеплялись за сторожевые вышки и за крыши бараков.

Конвой был равнодушно-спокоен, овчарки напротив злобно-недоверчивы. Матово блестели чёрные сапоги. Пахло табаком, сапожной ваксой и почему то креозотом, будто бы мы стояли на шпалах.

Начальник караула с грязной засаленной повязкой на рукаве, перебирал папки с личными делами и выкрикивал фамилии:

– Кондрашин!

– Осужденный, Кондрашин Анатолий Михайлович, 1958 года рождения, статья 102 пункт «б», 12 лет.

– Бекбулатов!

– Бекбулатов Наиль Шамильевич1968 года рождения, статья 117 часть 3, срок 6 лет.

– Перевалов!

Внезапно золотозубый клацнул зубами у пса перед носом, словно хотел откусить ему ухо.

Раздался хлёсткий звук удара дубинкой. Вспыхнувший собачий лай заглушил вопль:

– Ты что сука, собаке зубы кажешь! Они у тебя лишние?

Я на миг забылся. И вздрогнул, услышав собственный голос:

– Солдатов Алексей Иванович, статья 188 часть 2, 93 УК РСФСР, срок…

Мороз под сорок,
И скрипит на мне кирза,
Опять сегодня нормы не одюжим!
Собаки злобно смотрят
Прямо мне в глаза,
Они меня бы схавали на ужин!

* * *

После этапа нас повели в баню. Главной процедурой было не мытье, а стрижка.

Маленький, сморщенный, лет под пятьдесят парикмахер снимал машинкой для стрижки волосы на головах, усы, бороды.

Я предусмотрительно обрил голову ещё за две недели до этапа. Поэтому курил, прикидывая свои шансы, без потерь пронести в зону баул с вольными шмотками.

Все привезённые с собой вещи нужно было сдать в каптерку, а взамен получить зэковскую робу. Мозги мои усиленно работали в этом направлении. Внезапно в конце коридора я увидел молодого парня, препирающегося с банщиком. Я мотнул головой. Парень подошёл ко мне.

– Ну?… Говори.

– Сидор с вещами пронесёшь в отряд? А я после карантина зайду. Сочтёмся.

– Запретное в бауле есть?

– Нет.

– Ну тогда давай, потом зайдёшь в инвалидный. Спросишь Виталика.

Пока я наводил движения, мои коллеги со свежеобритыми головами сидели на корточках и тоскливо плевали на землю.

Лысины и унылые взгляды делали их похожими на древних мыслителей.

После бани, получив робу мы направились в карантин, где предстояло в течение недели привыкать к местным условиям. Потом должно было состояться распределение в отряды.

* * *

Двор лагеря на первый взгляд похож на унылый больничный двор.

Тянутся одноэтажные длинные бараки, окружённые решётками локалок. Отсвечивают покрашенные известью стены.

Ни деревьев, ни зелени, ни цветов. Лишь закатанная в асфальт земля.

Двор почти всегда абсолютно пуст. После утреннего просчёта все локалки закрываются на замок. Лишь каждые два часа на вахту несутся краснополосники. За опоздание на отметку вполне можно попасть в кандей.

Идут в столовую бригады работяг. Походкой старшего офицера важно шагает по своим козлячьим делам какой-нибудь заключённый, из числа вставших на путь исправления.

– Сука СВПешная! – шипят ему в след зэки, – блядина мусорская!

Вязаные не обращают на них никакого внимания. Горделиво несут на рукаве повязку цвета революционного красного знамени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.